

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, М. Чарного, Е. Усевич.

ЦЕНА 20 КОП.

29
СЕНТЯБРЯ
1933
45 (300)

В. ДОНЕНКО

Нач. политотдела МББ. ж. д.

МАСТЕРА СЛОВА—НА ТРАНСПОРТ

Железнодорожный транспорт, геометрическая работа передовых людей на транспорте, работа отдельных узлов, дело, мастерских на дорогах—эти темы еще ждут своего художника.

Писатели создали книги о героях заводов, погодине Днепростроя и домене Магнитогорье.

А показать в литературе работников железнодорожного транспорта—машиниста, сигнальщика, стрелочника, смазчика—разве это не очевидная задача для писателя?

У нас нет еще художественных произведений, дающих картины жизни и работы железнодорожников. У нас нет литературы, отражающей работу дореволюционного железнодорожного транспорта, его гнет, эксплуатацию, издавательское отношение, когда каждый железнодорожник должен был гнуть спину перед каждым чиновником. Только

А. Серафимович подошел к этой теме. Наша молодежь совсем не знает картины гнета и тяжелых условий, в каких приходится жить и работать железнодорожникам на дорогах нашей России.

Вспомните героев-революционеров, читинских железнодорожников, которые в течение нескольких дней не хотели пускать кареты генерала Ренненкампа, и самую свирепую расправу Ренненкампа с рабочими крестьянами.

Нам нужно показать в литературе отдельные типы железнодорожников, как машинист Ухтомский, геройка революционеров-железнодорожников, боровшихся за пролетарскую революцию.

Разве это не блестящая тема для писателя?

Иаконец, транспорт в гражданской войне, железная дорога в дни гражданской войны.

И эта тема ждет мастеров слова. Писатели, драматурги, поэты, идите в наши клубы, в депо, на станции. Ознакомьтесь с жизнью транспорта, организуйте там литературные вечера, читки.

Писатели! Атакуйте наши дороги.

Расскажите в стихах, очерках, фельетонах, поэмах о повседневной борьбе ударников за социалистический транспорт, борьбу за ликвидацию прорыва на транспорте, борьбу с прогульщиками и лодырями на транспорте. Покажите работу отдельных узлов, депо, имеющих огромное государственное значение.

Помогите нашим клубам, нашим самодеятельным художественным кружкам, которые ставят еще всякую ерунду, помогите создать нужную, современную репертуару.

Почему бы не организовать, по примеру Белоростра, массовую поездку на железнодорожный транспорт? Не только поездку, но массовый рейд. Писатель в итоге этой работы должен понять нутро, сердцевину нашего транспорта, чем он живет.

Конкретно. Предлагаю с 15 октября устроить литературную декаду хотя бы по Московскому-Белорусско-Балтийской ж.-д. В течение декады организовать производственный смотр железнодорожного транспорта; пусть писатели расскажут нам, что происходит на фронтах-железнодорожников.

Мастера слова—на транспорт!

Мы, политотделы, окажем вам, художникам, всяческое содействие и поможем в этом важном начинании.

Надо привлечь к этому делу и

В. ДОНЕНКО

наших художников Дени, Морса и Бор, Ефимова, которые бы дали рисунки из жизни железнодорожников.

Это большое дело. Хорошее начинание, хорошее начало. Участие писателей на транспорте оружием художественного слова поднимет дух энтузиазма среди масс рабочих-железнодорожников.

Мастера слова—на транспорт!

Мы, политотделы, окажем вам, художникам, всяческое содействие и поможем в этом важном начинании.

Надо привлечь к этому делу и

ДАДИМ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ТРАНСПОРТЕ

Газета «Гудок» устроила на днях («Гудок», Тумarkinina («Труд») и других. Отвечающая старшим товарищам, т. Тайц, которому поручено вести газету Екатерининской дороги, заявил:

— Мы будем по-большевистски дрататься за разрешение задач, поставленных партией перед транспортниками. Упорно, невзирая на лица, развертывая самокритику. Будем разоблачать виновников чекистских нарушений и ошибок. Но одни мы бессильны добиться успеха. Нам нужно повседневное руководство, оперативная и материальная поддержка, помощь кадрами со стороны наших политотделов и центральной партии. Только тогда мы сможем привести в движение всеобщую борьбу за ликвидацию прорыва на транспорте.

Бороться кнутом ЦК ВКП(б). Светланов говорил между прочим о «взаимоотношениях» советской художественной литературы и транспорта. Вопросы транспорта все еще не находят в художественной литературе своего отражения. Советские писатели, сожалению, как будто продолжают плохие традиции наших классиков, в произведениях которых транспорт всегда был только фабульной деталью (Л. Толстой, Чехов, Золя). До сих пор нашими писателями не дано ни одного сколько-нибудь значительного произведения о железнодорожном прорыве на транспорте.

Закрытое собрание, ответственным редактором «Гудка» т. Спиваковский выразил уверенность, что при помощи начальников политотделов, осуществляющих непосредственное партийное руководство на местах, при условии постоянной связи с центральной печатью, ЦО партии «Правды», органом транспорта «Гудком» дорожные газеты помогут сделать советский транспорт передовой отраслью нашего социалистического хозяйства.

Художник Мор запил на собрании, что он подписал договор о поездке на Мурманскую железную дорогу и вызывает на соревнование других художников.

Писателям не мешало бы последовать его примеру...

«ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ДОЛЖНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ДЕЛЕ НАСАЖДЕНИЯ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА Ж.-Д. ТРАНСПОРТЕ НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ, А ИМЕННО: ВВЕСТИ ПО ВСЕИ СЕТИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ СИСТЕМУ ПОЛИТОТДЕЛОВ».

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР И ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б) О РАБОТЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА от 3 июля 1933 года

ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ

НАША ОБЯЗАННОСТЬ

Моя связь с железнодорожным транспортом началась года два назад, когда я начинал работать над романом «Роза ветров». Взяв определенный географический отрезок в определенном отрезке истории—Бобрики, где заканчивается строительство крупнейшего в Европе Электрохимкомбината, я, конечно, не мог обойти просекающую между романом сверхмагистраль Москва—Донбасс.

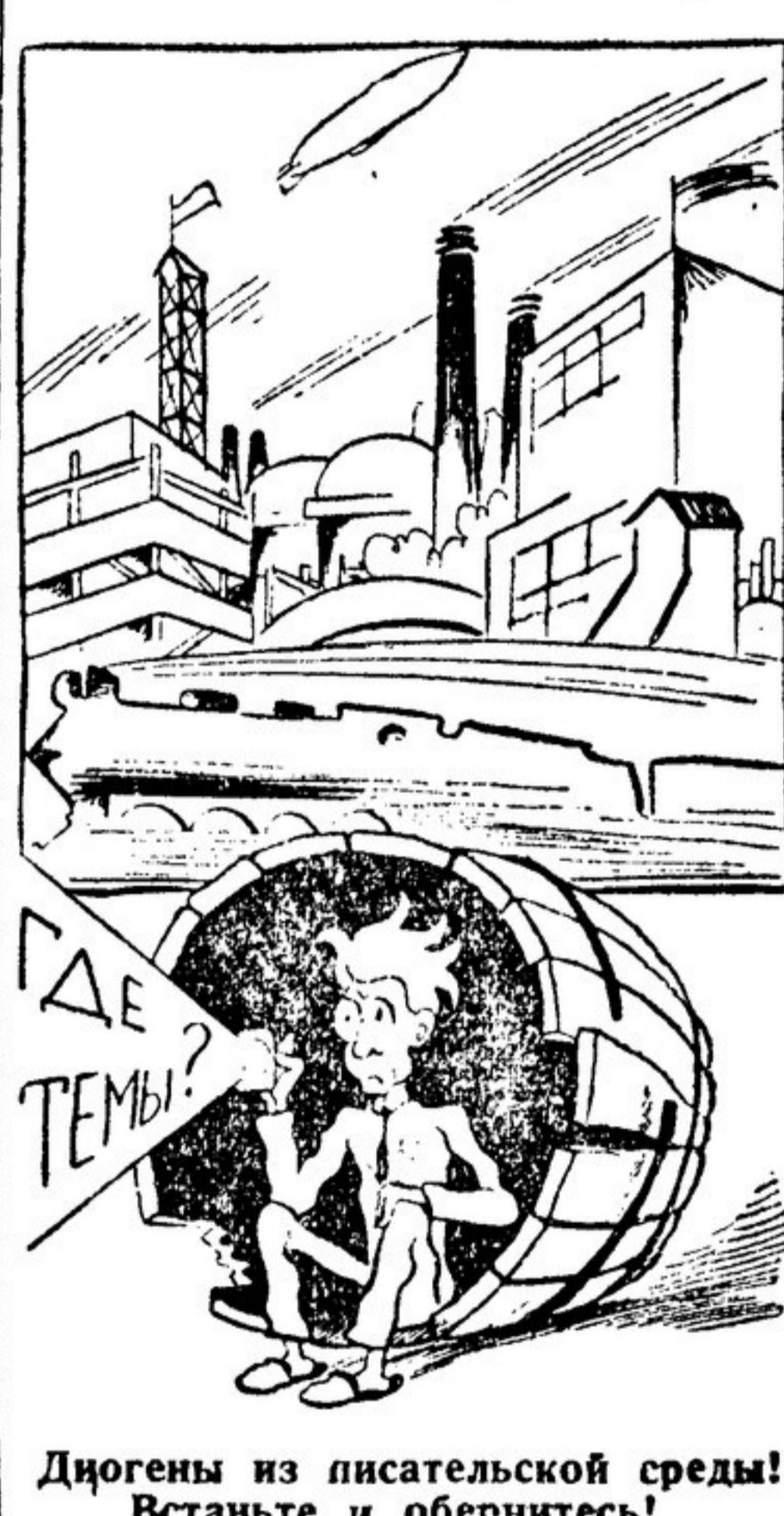
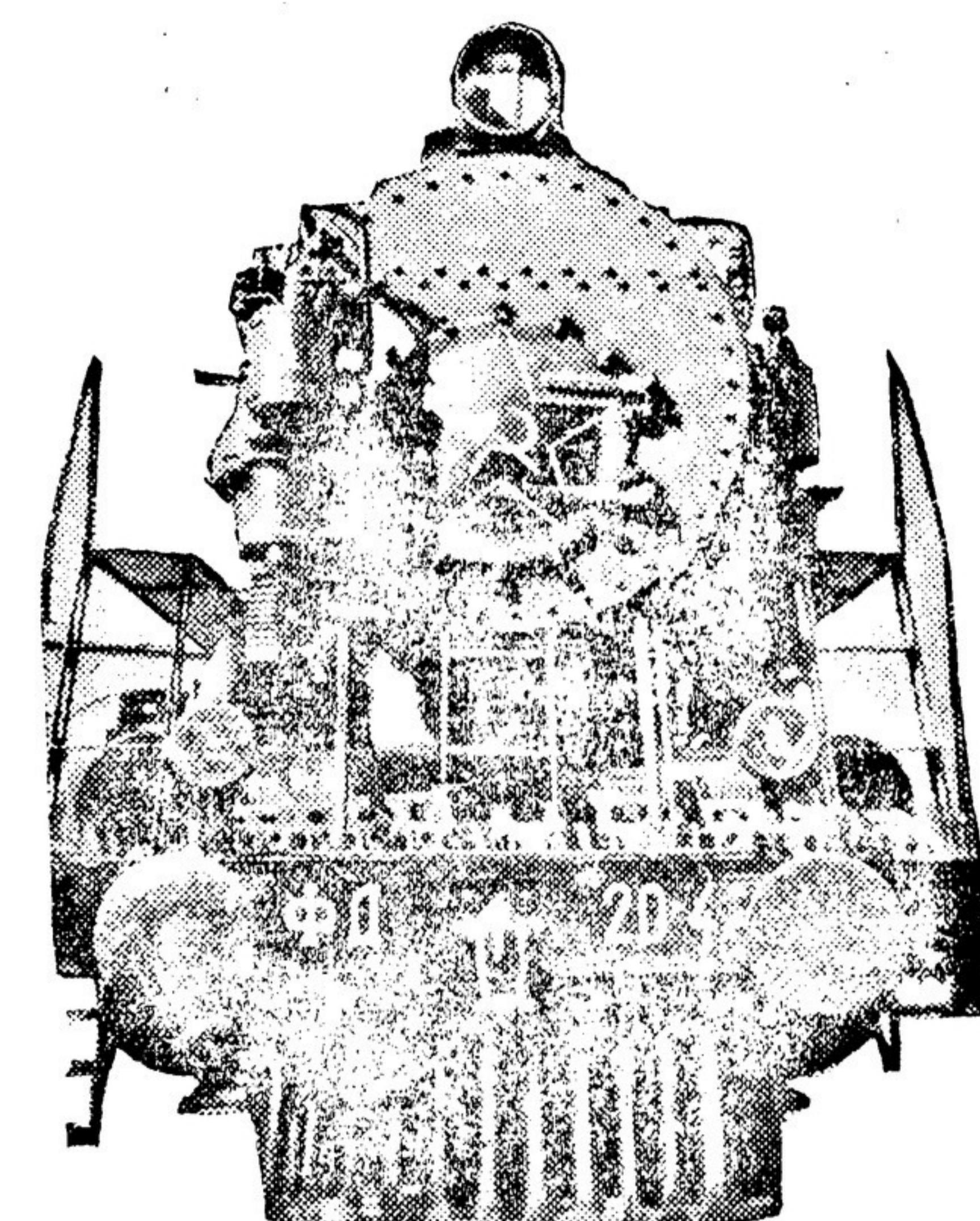
Она вместе с крупнейшим по своему размаху строительством и коллективизацией сельского хозяйства являлась основным компонентом переустройства жизни бобриковских мест на социалистических началах. В прошлом году готовые трассы новой магистрали я изнал на дрезине. Результат поездки на месте—повесть, над которой я сейчас работаю, закончить которую думаю к январю 1934 года.

Работа над новой повестью потребовала, конечно, изучения материала, теоретического бытого, знаний людей транспорта, той «заболеваемости» материала, какая самый материал делает своим кровным делом и тебя в этом деле делает своим. Без длительного вживления писателя в материал месяца, а не дни, может быть, даже годами—никакое художественное отображение действительно невозможно. Это вживление в материал привело прежде всего к оперативной работе в транспортной печати: в «Оргвтавке» НКПС я работал над оформлением плакатов, писал лозунги и т. д. Отсюда же возникла связь с литературной молодежью транспорта: по предложению Оргкомитета я рукожопил листкружком Курской железной дороги при клубе им. Кухинстрова. И еще неизвестно, кто у этого больше учился—молодежь или опытности «старого» писателя или «старый» писатель «старой» «заболеваемости» материалом у молодежи, для которой транспортные темы, а не дни, может быть, да и годы, никакое

полотно?

А у нас у советских писателей, до сих пор остается неописанным один большой вексель. Десятки писателей прошли по Туркисби, северному Сибирь со Средней Азией, а что на сегодня мы имеем в литературе о Туркисби, кроме двух-трех книжек посредственных очерков?

Худ. А. Зубов.

Диодены из писательской среды!
Встаньте и обернитесь!

В. АЛФЕРОВ

Зав. сектором печати и агитации Политупр. НКПС

ПОНАЖИТЕ ПЕРЕДОВЫХ

Советская художественная литература, советские писатели до сих пор не дали еще почти ни одного крупного художественного произведения на нашем железнодорожном транспорте.

В дореволюционной детской литературе были попытки создать книжки о героях-стрелочниках на железнодорожных дорогах.

Сейчас необходим поворот советских писателей в их творчестве к вопросам железнодорожного транспорта.

Практическое участие художников на фронте транспорта, как мы это видим на примерах Курикшинов (их прекрасные карикатуры в «Правде» на недостатки нашего железнодорожного транспорта), во многом помогают нам изжить эти недостатки.

Мы ждем, что и писатели также практические включаются в эту работу.

Задача политотделов на железнодорожном транспорте заключается в правильном расстановке людей, чтобы первое место занимали лучшие люди—борцы за транспорт, работники на железнодорожном транспорте.

Советские писатели должны помочь порте.

БИБЛИОТЕКА, КОТОРАЯ СДЕЛАЛА ВЫВОДЫ

Беседа с отв. редактором газеты «Гудок» т. А. Л. Спиваковским

Чтобы перестроить транспорт, нужно реализовать решения ЦК и СНК, нужна и обязательна помощь всей печати.

Тот суровый счет, который мы предъявляем газетам и теперь, после решения ЦК и СНК, еще в большей мере относится к писателям, и литераторам. Имена писателей на страницах транспортной печати мы встречаем очень редко. Есть только отдельные завсегдатай транспорта, писатели, заслуживающие любви и внимания железнодорожников. Это известный всем железнодорожник Зубил (Олеши). Кто из них всем железнодорожникам. Это известный всем железнодорожник Зубил (Олеши), остающийся по сей день активным сотрудником «Гудка». Сергей Третьяков, который порой на страницах «Правды» и «Гудка» увлекающе пишет о транспортных вспомогательных единицах, лишь мимоходом каснувшись неподалеку от железнодорожных дорогах. Литературные выступления

От лица транспортных газет, «Гудка» и всей армии дорожных и районных газет транспорта зовут писателей на транспорт! Вашим художественным словом вы должны ответить на решения ЦК и СНК.

Активной борьбы на страницах большевистской печати, в бригадах политотделов вы должны взяться за оздоровление транспорта, чтобы вывести его на широкую дорогу победы!

Конечно, только там, где работает на должной высоте—только там можно найти хотя бы такие примеры: когда было опубликовано решение Центрального комитета о транспорте, библиотека закупила несколько сот экземпляров газет, и, отбрав несколько из наиболее популярных ходовых книг, «Правда», «Энергия», «Луганск», «Донбасс», «Уссури», «Новиков-Прибой», «Гладков», «Лукоморье» и многие другие—включила в каждую из них вырезанное из газеты постановление ЦК. Новиков-Прибой, Гладков и Шолохов неслись, таким образом, в библиотеках

и впереди, на открытом воздухе, в руках писателей, читателей, и при этом не было никакой реакции на эти вырезки.

Еще недавно профессия железнодорожного сапожника считалась чем-то второстепенным, малозначительным. ЦК партии на своем решении сказал, что сапожник—ведущая профессия. Библиотека им. Кухинстрова, которая, несмотря на огромное количество рабочих Московско-Курского узла (около 12 000 человек), сумела достичь книгу к читателю и превратить ее в могучее средство борьбы.

Не только донести. Литературный кружок из 18 человек, рукоделом которого является К. Спиваковский, организовал в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание с участием начальников политотделов дорог, представителей политупраления НКПС, актива писателей, политотделов дорог, создавать в ближайшее время в Оргкомитете

специальное широкое совещание

О творчестве ШЕРВУДА АНДЕРСОНА

Шервуд Андерсон — яркое явление в новейшей американской литературе.

Андерсон родился в 1876 г. в штате Огайо, которому он посвятил впоследствии свою лучшую книгу новел «Уайнсбург, Огайо» (1919). Четырнадцать лет он уже стал работать в качестве черноворабочего и т. д. Началась испано-американская война. Молодой Шервуд Андерсон становится солдатом. После демобилизации он становится дельцом, преуспевает, встает во главе одной промышленной компании, и это его благополучие длится до 1910 года.

Но ладим слова самому писателю, подробно рассказавшему историю своей жизни в большой книге «История рассказчика историй» (1924).

«Ряд лет занятие торговлей товаров превратило меня как бы в безумного. Я следил почти боязном, в свое время я мог бы выстроить огромную фабрику, а затем — еще большую и еще большую. Подобно настоящему американцу я мыслил количественно... Я видел на углах, смотрящих укладкой вперед. Мои мысли концентрировались на проституции. Был ли я проституткой? Проститутировали ли свою жизнь? Так в художнике рождается мысль: «Повествователь истории не может возиться с покупками и продажами. Поступая так, он разрушает себя». Андерсон бросает жизнь дельца. Делец становится писателем, на всю жизнь оставаясь ненавистником деятелями. Будучи сорок лет, он опубликовал свою первую книгу, почти каждый год с тех пор выпуская по произведению.

«Сын Уинди Макферсона» — так назван был этот первый роман Шервуда Андерсона. Он может быть назван историей разочарования. Для героя романа постепенно спадают все покровы с его жизни и жизни других, его путь — это путь постепенного отказа от всего, что некогда, в самом начале этого пути, было единственной целью. Деньги — вот что держит его, вот что движет им, вот что делает его «настоящим человеком».

Он бросает все, как это сделал и сам Шервуд Андерсон, отправляется «искать правду». Но он не может ехать ни в чем, и последние страницы романа как бы начинают новую историю: «Я не могу убежать от жизни. Я должен быть с ней лицом к лицу. Я должен приблизиться к пониманию жизни других людей, начать любить их».

Вся буржуазная американская литература была построена именно на возвеличении американского буржуазии, власти в бесчисленных романах изображались как самое лучшее и святое. И вдруг Шервуд Андерсон нарушает эти «традиции» — ничто, — говорит он, — они не могут дать счастья. Это было смело и мужественно. Искренняя ненависть к капитализму звучит в книге. Но это — ненависть слепого, палача нащупывающего свою дорогу и спрашивающего у случайных прохожих.

В следующем 1917 году Андерсон опубликовал новый роман «Марширующие люди», прямую связь с которым имеет роман «По ту сторону желания». Эта вторая книга ознаменовывает повторный этап в развитии Андерсона. Он уже не видит только отдельного человека, он стремится осмысливать движение классов. Главное, что его занимает, — это в чём сила и слабость двух борющихся классов — буржуазии и пролетариата.

Он видит мрак и жестокость среди тех, которые обречены на подневольный труд, и он бросает сноп света в этот мрачный мир порабощенных и находят там прогрессивные человеческие образы. Таков старый шахтер Мак-Грегор — молчаливый, угрюмый, может быть, не совсем нормальный, но готовый на жертвы ради своих товарищей, нежный и ласковый отец. Жертвенность — единственная возможность для него раскрыть свою человечность. Другое — его сын Норман. Андерсон начинает его историю с детства.

Золотой век! Золотая пора! Да, возможно, но не для героя Андерсона, ибо они — дети рабочих. Андерсон берет детство Нормана и видит, что его окружает мрак, грязь, глубина. Гневные интонации, описанные в его страшных ощущениях, блуждающие взад и вперед без цели и смысла. Сборник открывается новеллью «Книга гротесков». Теплое и ласковое начало: писатель, комната, высокие стены, спокойный разговор с плотником переделывающим кровать. И вдруг внезапный поворот в сторону, — первая судорога — и этот теплый рисунок мгновенно исчезает. Весь мир — это пропасть гротесков, он искалечен, растянут или скат до неизвестности, нем есть истины, они ложны, эти истины, ибо всегда и всюду они неизменны и неподвижны. Мир — это примиас. Таков смысл этого первого рассказа книги Андерсона. Дальнейшие ее страницы развертывают не менее жуткие образы.

Андерсон берет жизнь в ее напряжении, смертельном для его героя — маленьких людей, мелких миражей. Они разрывы со средой, на них не могут ей противостоять, у них нет силы и энергии. Ониничются и жалки, у них нет ярких мыслей. Но вся трагичность их положения в том, что они есть и есть наиболее яркие в их среде. Их жизнь — без событий, их — события — без жизни. Главное, что мучит и убивает их, — одиночество. Они предельно, отчаянно одиночны, они — точно марсиане на Земле или «земляне» на Марсе.

Страшный мир рисует Шервуд Андерсон. Казалось бы, что это должно было еще сильнее двинуть художника вперед к позициям борьбы, еще решительнее он должен был бы стать в своем отрицании. Но получилось обратное. «Я смущенный ребенок в смутном мире», — говорит он в книге «История рассказчика истории».

Он, как бы прыгает к мысли. Мысль облекается действием, она нужна для борьбы, это делает ее упругой, жесткой, активной. Норман не просто кончит свою знания, как архиварус бумаги. Но где же оно, это действие? Норман ищет законов борьбы и развития. Так начинает рожаться порядок из хаоса его мыслей. Он находит причину неустоенности мира — это жажды наживы, деньги, дела. Понимая это, Норман понимает многое. Он начинает воспитывать в себе чувство ненависти именно к классу, который является воплощением этих сил. Он хочет попасть в силу этого враждебного класса. Он восхищается стройностью этой силы. Он видит, как мар-

дело, — это действительно человек. Он может всякого послать к чорту. Но Шервуд Андерсонрезко выступает против этой «философии». Весь роман построен на отрицании. Венсвортов, на их разобщении. Но картина: Андерсон в сущности повторяет свою первую книгу. Он как бы уютнее чувствует себя в пределах разнайкиной темы, от нее не дальше, он не возвращается на более высоком уровне — линии «Марширующих людей», к схватке труда и капитала.

В 1921 году появляется второй сборник рассказов «Тринадцать», который, как и более поздний «Кони и люди» (1923), в основном повторяет мотивы «Уайнсбурга», «Огайо».

«Я слышу из Америки страшный потрясающий крик умирающего человека», — пишет Д. К. Честертон. Вот этот крик и слышен в произведениях Андерсона. Он прекрасно передает умирание и распад мелкой буржуазии, тесниной капиталистическим развитием, беспомощной и жалкой перед буржуазной машиной, не способной жить и не желающей умирать, отказываясь от борьбы и раздавливаемой холмом капиталистического развития.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Это полностью обнаруживают в другие книге этого периода: «Министр браков» (1922), «Темный смех» (1925), «Новый завет» (1927) и другие. Нет выхода, — говорит художник, — будем же рассказывать о горе человеческом. Но выход был, и к нему пришел Шервуд.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда звать, куда вести, под какими знаменами итти.

Шервуд Андерсона самого подавляет капитализм, он сам не знал, что же нужно делать, куда з

